

Когда Гу Чжису услышал, как он произносит слово «смерть», это прозвучало так, словно он собирался не уходить в мир иной, а выпить чашку чая и спросить, не хочет ли он того же. Взгляд Гу Чжису стал еще более сложным. Он пристально смотрел на него и выдохнул:

— Твое решение — умереть?

Гу Чжихуай посмотрел на него и вдруг улыбнулся:

— Ни капли сожалений.

— Хорошо.

Гу Чжису долго смотрел на него, наконец выдохнул, сдерживая желание разбить чашку, стоящую перед ним, закрыл глаза и тихо, слово за словом, произнес:

— Я согласен.

Гу Чжихуай, увидев, что он согласился, порылся в рукаве и достал маленькую фарфоровую бутылочку, пододвинул её к себе. Гу Чжису с улыбкой взял ту бутылочку, бережно спрятал её к себе на грудь и тихо сказал:

— Я знаю, что всё это время он был рядом со мной.

Услышав его слова, Гу Чжису с пробой тихо промолвил:

— Если ты не хочешь, я могу...

— Раз ты уже согласился, значит, это последние дни... — Гу Чжихуай покачал головой, опустил ресницы, и на его губах вдруг появилась мягкая и спокойная улыбка. — Наша карма исчерпана. Не прошу его развязать узлы в сердце. Даже если это будет лишь тихое сопровождение, я буду счастлив.

Гу Чжису, увидев, как он спешно пришел, получил яд и теперь собирается уйти, понимая, что это, возможно, их последняя встреча, хотя он и был черств к людям рода Гу, все же на мгновение заколебался, схватил руку Гу Чжихуая и тихо сказал:

— Третий брат, тебе стоит подумать еще раз... Не всё в этом мире можно решить одной лишь смертью...

— Чжису.

Гу Чжихуай, чью руку он сжал, не стал вырываться, а повернулся и снова улыбнулся той же спокойной улыбкой.

— Мое решение твердо, не пытайся отговорить... Ты береги себя.

Гу Чжису смотрел на него некоторое время, наконец тихо вздохнул и отпустил его руку.

Пока Гу Чжису провожал взглядом исчезающую фигуру Гу Чжихуая, в Дворе Линьцзян, еще до того, как полностью рассвело, внутри уже царил хаос. Служанки затаили дыхание, боясь разозлить двух хозяев, находящихся в комнате и полных гнева.

Госпожа Синь стояла недалеко от кровати, крепко сжимая пальцы в рукавах, с тревогой смотрела на служанку и, не веря своим ушам, тихо повторяла:

— Что ты сказала? Хайтан исчезла!

Та, кого она спрашивала, была маленькой служанкой. Госпожа Синь отправила её присматривать за Гу Хайтан, но за время одного сна Гу Хайтан исчезла, а служанки проснулись только на рассвете и, обнаружив это, поспешили доложить.

— Как это возможно? Вчера она была в комнате, как она могла вдруг исчезнуть! — Госпожа Синь, услышав, что она действительно исчезла, пошатнулась и отступила на два шага, опустившись на кушетку в растерянности. Через мгновение она пришла в себя и резко спросила. — А те, кто за ней следил? Служанки? Где они?

— Служанки, когда я обнаружила, все еще были без сознания.

Её слова еще не успели полностью прозвучать, как Гу Хайчао вошел извне, его лицо было мрачным и злым. Он швырнул чашку на пол, звук разбивающегося фарфора разнесся по комнате. Госпожа Синь, и без того раздраженная, вздрогнула, еще не успев встать и что-то спросить, как услышала, как Гу Хайчао продолжил бормотать:

— В одиночку ей точно не удалось бы сбежать из поместья, она обязательно нашла сообщника! Знал бы я, не стал бы отпускать прошлое, не стал бы слушать только слова матери, а сразу бы расправился с ней по возвращении, и не оказался бы сейчас в такой ситуации... — Его слова были жестокими и бессердечными, что заставило госпожу Синь почувствовать страх, но на лице она не показала ни капли. Она встала и подошла к нему, собираясь обсудить, кто мог помочь Гу Хайтан сбежать и нашел ли Гу Хайчао какие-то улики, как снаружи раздался голос старшей служанки Цю Фу.

— Старший молодой господин! Княгиня!

Небо еще не полностью рассвело, голос Цю Фу нарушил мертвую тишину Двора Линьцзян, заставив госпожу Синь нахмуриться, а Гу Хайчао стал еще мрачнее.

— Цю Фу, что случилось?

Не успела она закончить, как Цю Фу быстро вошла в комнату, подошла к госпоже Синь и Гу Хайчао, достала из рукава письмо и, подав его хозяевам, тихо сказала:

— Снаружи только что доставили письмо, адресованное лично княгине и старшему молодому господину для вскрытия... — Увидев, как госпожа Синь взяла письмо, а Гу Хайчао нахмурился, она выглядела еще более испуганной и, немного помедлив, продолжила. — И... это письмо, кажется, не одно. Есть еще одно... оно адресовано князю...

— ...Что?

— Негодяйка! Совсем потеряла стыд!

Пока госпожа Синь и Гу Хайчао слышали это, одна едва не упала в обморок, а другой выглядел так, словно его лицо вот-вот истечет водой. В это время в кабинете Гу Вэньмяня раздался его низкий гневный крик, тонкий лист бумаги не выдержал и разорвался в воздухе.

— Моя законная дочь рода Гу осмелилась тайно сойтись с князем и сбежать из дома! И даже написала... что в доме ей больше нет места, и она нашла себе другое пристанище! И какое же она нашла пристанище... Она хочет погубить весь род Гу! Она вынуждает меня действовать!

Гу Вэньмянь, увидев письмо, почувствовал, что каждое слово на нем словно обжигает его, и в глубине души он готов был взорваться:

— Ко мне!

Слуга быстро поклонился:

— Князь.

Гу Вэньмянь смотрел на него ядовитым взглядом, заставляя слугу покрыться холодным потом. Он медленно поднял руку и, указывая на дверь, произнес:

— Иди... немедленно призови смертников! Я убью эту негодяйку!

Слуга, услышав, что он хочет призвать смертников, чтобы убить Гу Хайтан, в панике упал на колени, лицо его покрылось холодным потом:

— Князь, старшая молодая госпожа — ваша законная дочь, вы не можете...

— Она хочет погубить меня, хочет навлечь беду на род Гу! Сейчас я совершу правосудие во благо рода, это лучшее, что можно сделать, и тут обсуждать нечего... — Глаза Гу Вэньмяня, казалось, готовы были извергнуть огонь. Больше не раздумывая, он поднял руку и снова указал на дверь, громко крича. — Еще не идешь?!

Слуга вздрогнул от его крика и больше не осмелился возразить. Кивая, он попятился:

— Слушаюсь, князь!

Когда небо полностью рассвело, в роде Гу всё еще царило скрытое напряжение.

Ляньчжу, неся чай и закуски, вошла в комнату и чуть не столкнулась с Цинхуань.

Гу Чжису стоял перед столом, выводя кистью строки к напеву «Цзянчэнцзы».

Ляньчжу не осмелилась смотреть, что он пишет. Осторожно поставив чай и закуски, она поклонилась и тихо доложила:

— Молодой господин, Великий князь Бао отправил письма князю, княгине и старшему молодому господину, и они уже доставлены в дом.

Рука Гу Чжису слегка замерла, еще не успев поставить точку на бумаге. Он резко опустил кисть, положил её на фарфоровую подставку, взял кусочек пирожного с цветами сливы, проглотил и медленно спросил:

— Как отреагировали отец и мать?

Ляньчжу выглядела слегка озадаченной, опустила голову и тихо ответила:

— Молодой господин, князь пришел в ярость и уже отправил смертников. Сказал, что... совершит правосудие во благо рода и убьет старшую молодую госпожу прямо в резиденции Великого князя Бао.

Гу Чжису усмехнулся, его глаза были темными и не выражали эмоций. Он открыл крышку чашки, смотрел на плавающие в зеленом чае лепестки сливы и через некоторое время

спросил:

— Такое поведение действительно похоже на него. А как насчет матери и старшего брата?

Ляньчжу выглядела слегка растерянной. Глядя на то, как взгляд Гу Чжису переместился на неё, она, наконец, неуверенно произнесла:

— Полная тишина.

— О? — Гу Чжису слегка приподнял бровь, покачал чашкой в руке, сделал глоток чая. — Как это может быть полная тишина?

Ляньчжу, вспоминая маленький листок бумаги, который она получила от Цюнхуа и других, пока готовила чай, тихо повторила:

— Согласно словам нашего шпиона в Дворе Линьцзян, когда княгиня услышала, что Князь И отправил смертников убить старшую молодую госпожу, она была в ужасе и хотела остановить его, но старший молодой господин каким-то образом сумел удержать княгиню.

<http://bllate.org/book/16652/1526438>